

На родной земле

Как пересеклись пути

Чем талантливее человек, тем ярче и характернее его внешний и внутренний облик, тем крепче он вписан в народную память, в свою эпоху. Пройдут годы, а он живёт, его нельзя вычеркнуть со страниц прошлого: он сам частица своего времени, запечатлённая в оставленных трудах. Таков и Дмитрий Николаевич Кардовский, человек необычайного обаяния, выдающийся художник, патриот нашего неповторимого Залесья.

с. 57

Мне посчастливилось жить в непосредственной близости от него в суровые и величавые годы гражданской войны. Когда осенью 1918 года я приехал в Переславль-Залесский, Дмитрий Николаевич с семьёй был уже там. Он жил в своём доме на горе, в начале Фёдоровской слободы. Дом моей матери стоял на той же улице, но ближе к городу. Я не раз видел художника, его жену и дочь, проходивших мимо наших окон, и вначале, конечно, не мечтал сблизиться с этими людьми, так далеко, по моим понятиям, стоявшими от меня, тогда недоучившегося студента, выходца из провинциальной среды. Но жизнь в те годы перевернула многие понятия, а главное — сами Кардовские оказались такими приветливыми, общительными, чуждыми какого-либо чувства своей исключительности людьми, что я вскоре же вошёл в их круг. Моим посредником был Г. П. Альбицкий, или сокращённо Гальби, о котором необходимо сказать несколько слов, потому что он был душой молодёжного окружения Кардовских в те годы.

Сын профессора Военно-медицинской академии в Петербурге, Георгий Петрович пополнил своё русское образование слушанием лекций в древнем Гейдельберге. Внешность его была оригинальна: курчавая рыжеватая шевелюра, зеленоватая курточка с матросским воротником, бриджи, коричневая шляпа и туфли на полувысоких каблуках. Это была широкая, многогранная натура: книголюб, неплохой оратор, весельчак, остроумец, человек вечно юного сердца.

Я встретился с ним в Отделе народного образования, куда мы пришли на работу. Нам дали большую пустую комнату, несколько папок для бумаг и пишущую машинку, которую мы поставили на подоконник. Там, почти на пустом месте возник внешкольный подотдел. Георгий Петрович был моим начальником и вскоре внушительно подписывался на бумагах «Гальби» (отсюда и пошло его шутовское прозвище). Мы развернули в своём подотделе и в подведомственном нам Переславском районе бурную деятельность: клубы, избы-читальни, библиотечки возникали десятками.

У моего патрона текла в жилах кровь неутомимого жизнелюбца: трудясь на ниве народного образования, он деятельно объединял вокруг себя молодёжь. Я был его правой рукой. В нашу компанию вошли прежде всего ближайšie сотрудники внешкольного подотдела: скромный, даже застенчивый Серёжа Елховский, румяная простодушная девушка, наш незаменимый секретарь — Нина Угрюмова, местный художник, страстный любитель и тонкий ценитель природы Борис Иванович Покровский, учительница Львова, выполнявшая наши внешкольные поручения на стекольном заводе, где она работала. Потом к нам примкнули и другие — из тех, кто не боялся трудов и разрухи. Мы упрямо искали радости, красоты и творчества. Такова диалектика молодости.

с. 58

Первая встреча

Нам, конечно, было известно, что Гальби уже знаком и бывает у Кардовских. Мы расспрашивали его о семье художника. В свою очередь там, на горе, он рассказывал о нас и возбудил у своих слушателей интерес. Ольга Людвиговна, жена художника, молодая душой, оказалась немножечко фантазёркой и любила всё из ряда вон выходящее, поэтому она попросила представить всю нашу компанию. Было решено устроить у Кардовских бал-маскарад под Новый год.

Мы с волнением готовились к этой встрече: как-никак надо было предстать на суд прославленных художников — тут не отделаешься тощей, домашней выдумкой! После долгих совещаний решили одеться по мотивам народных сказок. Нам казалось оригинальным, если на вечер войдут баба-яга с чёртом, Матрёшка с Иваном-дурачком, русалка с лешим. Сборы происходили у Альбицкого, жившего на нашей общей, длинной, как история города, улице. В старинной комнате со сводами стояла невообразимая кутерьма.

Но вот мы в розвальнях двинулись к дому на горе.

У Кардовских нас встретили как друзей. Ольга Людвиговна, сияя большими серыми глазами и чуть запрокидывая голову с пышной причёской, осматривала костюмы, всю нашу шумную кавалькаду и с восторгом приговаривала:

— Восхитительно! Какая потешная матрёшка! Ну, Митя, ты только посмотри, как это искусно подобрано...

Дмитрий Николаевич, чуть склонив голову и упёршись чёрной, упругой бородой в грудь, внимательно и приветливо рассматривал нашу пёструю толпу.

Мы тоже жадно приглядывались к хозяевам и всему, что нас окружало. Всё здесь было просто, но в то же время исполнено вкуса и изящества. В комнате для танцев к керосиновым лампам на этот вечер были приделаны снизу какие-то широкие розетки, и лампы превратились в древние светильники. На стенах кое-где виднелись рисунки и пастели. В столовой — старинная мебель.

Но больше всего нас занимали сами хозяева. С первого взгляда меня поразила настоящая мужская красота Дмитрия Николаевича. Его густая, немного курчавая борода, нос с горбинкой, широкий жест невольно уносили мысль куда-то в глубь веков, в эпоху Возрождения. Казалось, стоило только надеть на него широкую шляпу с завёрнутыми с одного бока полями и набросить на плечи плащ — он будет очень похож на Рубенса или Тициана.

Жена художника оказалась не только любезной хозяйкой, но и неистощимым тамадой вечера. Танцы сменялись играми, игры — пением. Особенно увлечённо разыгрывались шарады. Ольга Людвиговна была искусным импровизатором: набросит кому-нибудь из нас на плечо шаль, сдвинет на висок шляпу — и готов гидальго; загладит волосы, подымет карандашом углы глаз и удлинит их разрез — и перед нами красавица китаянка. Катюша, её дочь, девушка со строго закрученными на голове косами и пристальным, изучающим взглядом, в котором временами вспыхивали лукавые огоньки, деятельно помогала ей.

Дмитрий Николаевич тоже не мог противостоять этой кипучей энергии и выходил то обернутый в простыню, как бедуин, то, опираясь на клюку, в потрёпанном тулупчике и шапке, как нищий. При этом он серьёзно и талантливо разыгрывал свою небольшую роль.

Мы были вне себя от восхищения. Обаятельные хозяева, на каждом шагу следы высокой культуры и одарённости, непринуждённое веселье — всё было как какое-то большое и увлекательное открытие. С тех пор дом Кардовских становится для нас центром притяжения. Мы с гордой радостью и молодым нетерпением искали общения с этими людьми.

«Пезанпроб»

Вы, может быть, думаете, что речь пойдёт о каком-нибудь допотопном чудовище, вроде ихтиозавра, или некоем существе, напоминающем питекантропа? Нет, читатель, не пугайтесь, не заглядывайте в глубину веков. Это совершенно безобидное, даже скромное, но в своём роде плодотворное детище тех кипучих лет — «Переславль-Залесское Научно-Просветительное Общество» при краеведческом музее. Сложите первые буквы этого длинного наименования — и вы получите таинственный «Пезанпроб».

Вдохновителем этого научно-просветительного объединения был М. И. Смирнов, директор местного музея и автор ряда исторических и этнографических экскурсов в прошлое нашего

древнего края. Даже черты его лица напоминали о далёких и тёмных веках: у него были слегка раскосые глаза, а борода и усы подстрижены по-татарски. Несмотря на то, что ему в то время, вероятно, перевалило за пятьдесят, он был чрезвычайно подвижен и предприимчив. Его энергия была направлена на собирание краеведческих богатств в ту переходную эпоху. Он перетряс буквально весь район и вывозил всё, что представляло хоть какую-нибудь историческую ценность: из помещицких усадеб — старинные книги, картины и мебель, из церквей — ценные в художественном отношении иконы, оклады, утварь. Попутно он вёл широкую научно-просветительную деятельность: вскрывал неолитические стоянки и мощи угодников и святителей, читал лекции и записывал произведения народной поэзии, организовал в Горицком монастыре краеведческий музей и объединял вокруг него культурные силы.

«Пезанпроб» и должен был прийти на помощь при освоении ещё не раскрытых богатств нашего Залесья. Здесь объединились представители самых разнообразных наук и искусств: учитель Жданов с головой Сократа, местный краевед и мудрец; юрист Острцов, ведавший экономикой края, тонкий, какой-то весь расшатанный, с падающей походкой и закатившимися под лоб глазами; инженер Геммельман, натуралист и поэт под Овидия; учитель-фольклорист Логинов; мы с Гальби — один географ, а другой поэт. История края со всеми её ответвлениями находилась, конечно, в надёжных руках самого М. И. Смирнова. Искусство (живопись и прикладное мастерство) было представлено Д. Н. Кардовским и О. Л. Делла-Вос-Кардовской.

с. 59

Торжественное открытие общества состоялось в районном отделе народного образования в присутствии заведующего Г. А. Карташевского, всей семьи Кардовских и профессора П. М. Альбицкого, отца моего приятеля.

Сначала выступил заведующий. Часто откашливаясь, выпрямляя свою богатырскую грудь, характерным хриплым басом он говорил о колоссальных задачах народного просвещения, решению которых должны были способствовать все честные культурные силы. Затем Михаил Иванович изложил программу нашей деятельности. Особо он приветствовал П. М. Альбицкого. В заключение он выразил надежду, что музей и «Пезанпроб» тоже явятся в каком-то роде важным поприщем. Его поддержали и другие члены, указавшие на бесчисленные вопросы краеведения, истории и экономики края, которые ждут своих исследователей. Первое собрание было украшено и поэзией. Автором этих строк были прочитаны стихи, в которых поднимался бунт против бумажных дел и канцелярского засилья. Это звучало примерно так:

«Мне давно опостытели эти бумаги,
Этот пыльный, бездушный, убийственный хлам...»

А в заключение был брошен клич к восстанию:

«Бросим перья! Бежим! Разогнём наши спины —
Ведь весна на земле, а на сердце — любовь.
Завернёмся в лазурь, разбежимся в долины,
Разожжём на лучах нашу бледную кровь».

Чтец был по заслугам вознаграждён. Даже Дмитрий Николаевич, ухмыляясь, добродушно заметил:

— Ловко вы эти бумаги!

Общество горячо взялось за работу: кто занялся архитектурой переславской деревни, кто старинными формами землепользования, некоторые нацелились на травы и бабочек местных лугов и лесов, другие на исторические и доисторические древности, любители фольклора принялись за свои записи и иллюстрации к ним.

Дмитрий Николаевич деятельно работал по организации музея, особенно его исторического и художественного разделов. Под его непосредственным наблюдением была организована петровская комната, где собраны предметы корабельного обихода и домашнего быта той эпохи, вывезенные из филиала музея, — «Ботика Петра Великого». Здесь же была помещена и репродукция с картины самого художника — «Полтавская баталия». Он с большим знанием и любовью обращался к эпохе Петра, потому что видел в ней проявление силы и самобытности нашего народа. Живя недалеко от «Ботики» и Плещеева озера, на котором Пётр построил свой потешный флот, Дмитрий Николаевич не мог не воспользоваться этим местным памятным сюжетом и позднее написал картину «Флот Петра I на Переславском озере». Известны также его иллюстрации к роману А. Н. Толстого «Пётр I».

Много потрудился Дмитрий Николаевич вместе с Ольгой Людвиговной при оценке, отборе и систематизации художественного фонда музея, в котором кроме картин и портретов неизвестных художников имелись произведения К. и В. Маковских, Соколова, Шишкина, Сведомского, Семирадского, Венига и других. По указанию Дмитрия Николаевича происходила и развеска картин. В разделе современных художников (Коровин, Жуковский, Бобровский, Петровичев) находились произведения самого Кардовского — «Портрет студента» — и Делла-Вос — «Девочка с карточным домиком», в которой мы без труда узнали дочь художника.

Раз в неделю в «Пезанпробе» делались доклады, на которые приглашались все желающие.

С непередаваемо трогательным чувством вспоминаются эти научно-просветительные бдения где-нибудь в нижнем этаже музея под сводами. Мы сидим в пальто и шинелях за круглым столом красного дерева, на котором горит десятилинейная керосиновая лампа. Тени от наших фигур неторопливо шевелятся по стенам и сводам. Наш шеф, жадно и с дрожью всасываясь в самокрутку, вставленную в мундштук, докладывает о раскопках стоянок позднего неолита, которые обнаружены по берегам реки Вёксы. Мы рассматриваем безобидные черепки и кремнёвые наконечники пик и стрел, которые были когда-то грозным оружием. В полутёмном помещении, кутаясь в тёплую одежду, мы упрямо мечтали о том времени, когда замолкнут ружья и пушки и всем понадобится и эта летопись земли, и богатства родного края.

Дмитрий Николаевич, попыхивая трубочкой, с интересом вглядывался в примитивные орнаменты на осколках древних сосудов. Его интересовало не только то, что имело отношение к искусству. Он был большим знатоком и старинного деревенского быта, и нашего исторического прошлого, и родной природы. По всем этим вопросам у него были свои наблюдения и свои суждения. Его всегда было интересно слушать.

Мы расходились с собраний с чувством глубокой веры в будущее.

Школа рисования

с. 60 Чета Кардовских не отгораживалась от жизни, не замыкалась в своей исключительности, а, наоборот, старалась отдать свои таланты и опыт на пользу новому обществу: Дмитрий Николаевич работал в музее, Ольга Людвиговна организовала для городской молодёжи бесплатную воскресную школу рисования.

Это был шаг большой общественной чуткости и бескорыстия. Под классы был отдан флигель, находившийся при доме Кардовских. Всё оборудование: мебель, мольберты, натура — было обеспечено трудами и заботами Дмитрия Николаевича и Ольги Людвиговны.

Наша молодая компания в полном составе во главе с Гальби влилась в школу. Даже те, у кого были сомнительные данные, пошли приступом на искусство.

Сначала Ольга Людвиговна готовила нам живописные натюрморты. Комбинации из кувшинов, платков и разной обиходной мелочи должны были помочь нам вникнуть в соотношение линий и красок, постигнуть законы перспективы. Наша руководительница с большим терпением помогала нам: учила правильно держать уголь, класть штрихи, видеть натуру. Наиболее способными в классе были Катюша, унаследовавшая способности к рисованию от своих родителей, Борис Иванович, уже искушённый в искусстве, Кузьмин, техник с фабрики, впоследствии учившийся на архитектора, и некоторые другие. Они последовательно переходили на скульптуру и даже живую натуру. Остальные довольствовались более скромными успехами.

Была весна, в голове теснились волнующие видения, хотелось объять весь мир. За усадьбой Кардовских находился большой заросший пруд, там гнездились тысячи чаек, которые радостно и крикливо приветствовали жизнь и солнце. Я пел гимны этим воздушным скиталицам, лазурному небу и мечтал о белых крыльях, которые, конечно, будут биться и в мою грудь. Всем было весело и приятно. Ольга Людвиговна великодушно поддерживала в нас эти юные мечты и бескорыстные порывы.

Подходил к нам и Дмитрий Николаевич. Он всегда был занят чем-нибудь по хозяйству: пилил с соседом старые бревна на дрова, чинил заборы или окапывал яблони. Он закуривал трубочку и с живейшим интересом присоединялся к молодёжи.

Иногда мы всей школьной кавалькадой совершали прогулки по окрестностям. В них изредка принимал участие и Дмитрий Николаевич. Мы раскладывали где-нибудь на полянке среди молодого березняка костёр, и начинались игры. Огромное небо над нами сначала полыхало огнём, потом постепенно остывало, и на лимонно-желтоватом своде неуверенно вспыхивали

первые звезды, а над кружевным березняком робко поднимался молодой серп луны. Мы пели песни, водили хоровод и прыгали через костёр, при этом одна из наших девушек, распустив по воздуху свои кудри и шарфы, так взлетала над огнём, что и впрямь походила на какого-то сатира или эльфа, выскочившего из пахучих лесных зарослей.

Дмитрий Николаевич стоял тут же и одобрительно ухмылялся в свою чёрную бороду, глядя на всю эту весёлую кутерьму, а потом, в минуту передышки, начинал вспоминать:

— У нас, бывало, в Осурове девки и парни вот так же выбирали по весне чистый пригорочек в лесу (он назывался Ярилиной плешью). Парни секретно приносили с собой по пучку крапивы... — и начинался занимательный рассказ о стародавних народных обычаях и празднествах.

Мы чувствовали, что Ольга Людвиговна и Дмитрий Николаевич не наигранно, без рисовки, по-настоящему были молоды душой, и нам хорошо было около них.

В доме на горе

Мы всё больше и больше привыкали к Кардовским. Встречи с ними стали нашей потребностью. Обычно, прихватив кого-нибудь, а иногда и просто вдвоём, мы с Гальби под вечер отправлялись «на гору», как между собой мы называли эти визиты. Я всегда немножечко волновался перед встречей с семьёй художника.

Дом, в котором они жили, был в своё время построен инженером-железнодорожником, а потому архитектурой своей напоминал пристанционное строение. Сходство довершалось и тем, что выкрашен он был тоже в желтовато-коричневую краску. Справа у него было парадное крыльцо, которое обычно не открывалось, а слева — терраса, увитая диким виноградом, с двумя лесенками в сад. Между домом и флигелем стоял решетчатый забор, выкрашенный в тот же цвет.

Летом входили через двор и сад прямо на террасу. Первым обычно встречал Дмитрий Николаевич (он всегда был с топором или заступом в руках).

— Милости просим! Пожалуйте сюда, — гостеприимно открывал он калитку в сад и кричал на террасу:

— Оля, Катя! Встречайте гостей! А меня извините, — обращался он к нам, — я сейчас...

И вот мы снова в атмосфере изящества и дружелюбия. Ольга Людвиговна, как всегда приветливая, вкрадчивая, с каким-нибудь цветным платочком на плечах, встречает нашу нетерпеливую компанию. Здесь же и Катюша со своими огоньками в глазах и строгой сдержанностью в манерах. Начинается весёлая беседа. В этом доме любили шутку и смех.

Но Ольга Людвиговна умела поэтизировать всё, о чём бы ни шла речь: людей, отношения, вещи, — поэтому разговор никогда не принимал характера сплетен или переливания из пустого в порожнее. Ценилось всё искреннее, оригинальное, талантливое.

Иногда мы переходили в комнату Ольги Людвиговны и рассаживались около круглого стола. Хозяйка раскрывала свой сундучок и показывала нам изумительный многоцветный набор платков и шалей, который использовался не столько для одевания, сколько для работы. Здесь же мы любовались старинными вещами и картинами.

Потом Катюша садилась к роялю и вопросительно смотрела на мать. Мы просили Ольгу Людвиговну спеть. Дмитрий Николаевич поддерживал нас. Она пела темпераментно, с увлечением, иногда дуэтом с дочерью. Мы декламировали под аккомпанемент молодой музыкантши то «Умиряющего лебедя», то «Лазурное море».

Но иногда в летние вечера мы уходили в сад — к сиреням, букетам лип, в аллею, которая кончалась колодцем. Здесь, на лужайках, затевались игры. Любили городки: Ольга Людвиговна бросала палки, уморительно запрокидываясь и неестественно, по-женски вывёртывая руку, зато Дмитрий Николаевич держал палку ухватисто и бил уверенно, добротнo, как он всё делал.

Оставив игры, мы располагались на лавочке под липами или на ступеньках террасы. И сидели до сумерок, пока коричневой дымкой не подёрнется костёр заката. Беседа иногда прерывалась — мы с надеждой вглядывались в потухавшие дали или заботливо ловили всполохи зарниц, прислушиваясь к затихавшему гомону чаек на соседнем пруду. У каждого возникали свои мысли и желания, но, должно быть, все сходились на одном:

«И хочется на том мгновеньи
Чудесно жизнь остановить».

Дмитрий Николаевич, сверкая оживлёнными, умными глазами и потряхивая головой, увлек нас своими рассказами. Его речь была нетороплива, часто исполнена тёплого юмора и всегда по-русски сочна и колоритна. Он был великий мастер рассказывания. И чего только не было в его репертуаре! Тут и диковинные случаи из старой помещной жизни, и любимые им мужики с их судьбой и радостями, и живые портреты учителей и товарищей по искусству, и просто картинки из окружающей жизни, обычно остроумно поданные и звучавшие как художественные миниатюры. Мы слушали их, затаив дыхание. Как я жалею теперь, что молодость и весенние шумы в голове помешали мне записать их — это была бы увлекательная летопись!

Каждый раз мы с трудом и, видимо, всегда с опозданием спохватывались, что пора и честь знать. Спускаясь неторопливо с Александроневской горы, мы всё ещё находились в состоянии какой-то приподнятости и долго потом ощущали в душе что-то светлое, что впитали в себя там, на горе.

О. Л. Делла-Вос

Этими строками мне хочется воздать должную дань изящной, порывистой и нервной подруге Дмитрия Николаевича, с сердцем, открытым навстречу всему яркому, молодому и оригинальному. Приветливая и щедрая на ласку, пугливая и мнительная до обморока, талантливая на выдумку и радость, она была центром нашего кружка. Её инициативе и энергии мы обязаны многими начинаниями, украсившими нашу молодость: тут и школа рисования, и самодеятельный театр, и увлекательные беседы по искусству. Думается, это молодое беспокойство и влюблённость в жизнь выражали самую сущность и её личного творчества. В искусстве она любила встревоженные, бегущие облака, перепутанную зелень и резкие, характерные линии человеческих лиц. В её пастелях и масле жила трепетная душа с тысячью нюансов и неожиданных поворотов.

О её союзе с Дмитрием Николаевичем можно бы сказать словами поэта:

«...волна и камень,
Стихи и проза, лёд и пламень
Не столь различны меж собой».

Эрудит в искусстве, Дмитрий Николаевич всегда был точен и расчётлив, он остро всматривался в детали и чётко воспроизводил каждую линию, каждую краску не только окружающей, но и давно отшумевшей жизни. Трезвый, рассудительный, он не чужд был иногда и гиперболы, но всегда глядел на жизнь широко раскрытыми, пристальными глазами. Ольга Людвиговна смотрела, немножечко запрокинув голову и приспустив веки, восполняя неувиденное или неясно воспринятое буйным воображением и горячим темпераментом.

Обычно во время наших вылазок в природу Ольга Людвиговна была оживлена и деятельна. Она подсказывала нам разные затеи и любовалась, когда мы рассыпались по лугу цветными пятнами или попарно носились с горы, утоляя свою мечту о полете. Но иной раз мы любили неторопливо, с раздумьем пройтись по вековой аллее, которая ведёт от триумфальной арки к «Ботику Петра Великого», полюбоваться сверху голубой пригоршней нашего чудесного озера или где-нибудь около Выползовой слободки окинуть глазом лесные дали. Родной, незабываемый край!

Ольга Людвиговна, хотя была родом из других мест, любила наше милое Залесье. Может быть, на её чувствах сказалось влияние Дмитрия Николаевича, истового патриота Переславля и его окрестностей, что вполне естественно, но верно и то, что её поэтическая душа не могла не отозваться на красоты нашего уголка.

Мы заставляли её иногда с корзиночкой в ягодных кустах или с ножницами у цветочных клумб. В лёгком, свободном халатике, с чепчиком на голове она походила на садовницу и казалась воплощением хозяйственности. Около неё иногда чирикали Тильтиль и Митиль (так она называла моих младших братишку и сестрёнку), а она им рассказывала, вероятно, о тёплой, голубой стране или о душах цветов и деревьев. По крайней мере так казалось со стороны.

Но ярче всего она вспоминается в минуту творчества. Вот она ходит между мольбертами и столами в нашей школе. Остановится, разом окинет ваш рисунок, возьмёт уголь — тут штрих, там снимет тень, — и ваше тусклое изображение засияло. А она уж около соседа — вытянутая рука, вдохновенный взгляд, — в эту минуту она вся в мире искусства.

Этот порыв захватывал нас. Мы учились у неё не только рисовать, но и жить с неукротимой жаждой светлого, яркого, нового.

Всегда в труде

В семье Кардовских многих из нас привлекало не только искусство и высокий культурный уровень, но и другие, не сразу бросающиеся в глаза, но не менее важные духовные качества: чувство долга перед своим призванием, трудолюбие, мужество в перенесении материальных трудностей, и главное — преданность своему народу и готовность служить ему. Эти качества особенно сильно были выражены в Дмитрие Николаевиче. Он трогательно любил свой край, свой народ. С нескрываемой теплотой и душевной симпатией он относился к простым людям: всякого рода умельцам, мастеровым, мужикам.¹ Он никогда не называл их только по имени, а всегда и по отчеству: «Иван Никанорович», «Фёдор Спиридонович». Казалось, ему даже доставляло удовольствие произносить эти исконно русские имена, и они звучали в его устах особенно внушительно, будто он величал богатырей.

Излюбленным местом для этюдов была у него Рыбацкая слобода — наша переславская Венеция. Представьте себе улицу в виде тихой, ленивой, местами заросшей кувшинками речки Трубежа. В неё смотрятся плакучие ивы и кокетливые чайки, присевшие на поручни мостков. По тому и другому берегу тянутся избы то вкривь, то вкось, одни — уткнувшись в землю, другие, наоборот, присевши на задние лапы. Чтобы скрыть от проезжающих свои немощи, они, как вуалями, завесились сетями, которые сушились на высоких кольях по самому берегу. Только двухэтажные дома-крепцыши прежних рыбацких воевод поднимались над ними, как купчихи в платьях бордо или лукового цвета, да церкви высились через каждый десяток-два домов, по числу тоней или бредней, возглавлявшихся раньше купчинами-старостами. Тут что ни шаг — живописные следы своеобразного быта, приметы веков и улыбки кроткой природы.

Дмитрий Николаевич любил эту исконную, дедовскую Русь. В широкополой шляпе, со своей рубенсовской бородой, в чулках до колен и башмаках он сам казался видением иных эпох. Его можно было встретить с мольбертом или этюдником перед каким-нибудь рыжебородым или черногривым обитателем Рыбацкой слободы или где-нибудь в её закоулках, остро вглядывающимся в древние, рубленые избы с продыmlёнными и пропахшими копчёной рыбой узорными наличниками окон. Он ценил характерные народные лица, натруженные руки. Видно было, что он думает и чувствует вместе со своим народом, что они понимают друг друга.

Не миновали Дмитрия Николаевича и житейские невзгоды тех лет, которые обрушились на нашу землю по вине прежних её хозяев. Отрываясь от своего искусства, он безропотно копался в огороде, ухаживал за садом, заботился о дровах, выполнял разные поделки по дому. Бывало, заглянет по пути и к нам в дом с поручением: мол, Ольга Людвиговна просила прислать ваших Тильтиль и Митиль собрать ягод в саду.

Случалось мне встречаться с ним и на тяжёлых тропах, во время походов с зерном на мельницу, что стояла в поле, за Подгорной слободой, или к живоде́ру Сабаю за кониной. И всё это Дмитрий Николаевич делал и принимал без жалоб и упрёков, как обычное и нужное дело, которое делали и все вокруг. Простота и скромность прославленного художника-академика покоряли всех.²

Попутру взглянешь в окно — и видишь, как Дмитрий Николаевич с корзинкой на руке или рюкзаком за плечами идёт своей спорой походкой на базар. Путь неблизкий: километра три-четыре.³ Бородатая голова художника в кепи или шляпе слегка наклонена, будто он что-то крепко обдумывает, а встретится кто-нибудь из знакомых — приветливо снимает шляпу и раскланивается.

Я представляю его и добродушно-весёлым, и озабоченным, и приветливым, и серьёзным, но за всё пятилетие, когда я часто встречался с ним, не помню его жалующимся, рассерженным, недоброжелательным и ворчливым. Он всегда был деятелен. В музее он был первым советчиком. Искусство было его постоянным спутником. Когда пришла пора большой работы,

¹ Неужели это — нечно необычное, выдающееся? Неужели в Переславле не уважают людей? — *Ред.*

² Чему же здесь восхищаться? То же самое мы видели в жизни известной советской балерины, солистки ансамбля «Берёзка». Это совершенно обыденные дела советских людей. — *Ред.*

³ Да, неблизкий путь, полчасовая прогулка. — *Ред.*

он, преодолевая огромные трудности с транспортом, снова на посту — пишет декорации для Малого театра в Москве, иллюстрирует книги, а потом снова принимается за свою преподавательскую работу. Но Переславля он теперь не покидал, возвращаясь сюда каждое лето. Мы, впоследствии разлетевшиеся по разным местам, тоже не забывали родных гнёзд и, конечно, заветной дорожки к дому на горе.

Люди невольно тянулись к нему, потому что его обитатели никогда не опускали рук, они умели даже в самые трудные времена освещать вокруг себя жизнь огнём исканий, искусства и красоты. У них бывали и художники, и писатели, и актёры. Заходил к ним Михаил Михайлович Пришвин, который жил в то время в одном из павильонов «Ботика Петра Великого». Великолепный фенолог пристально изучал наш край, чтобы потом наградить нас своими поэтическими «Родниками Берендея». Приезжал к Кардовским и Леонид Максимович Леонов, книгу которого позднее иллюстрировал Дмитрий Николаевич.

Дом Кардовского, этот источник бодрости, творческих замыслов и вдохновения, не мог не притягивать к себе людей, живших не только хлебом единым.

Переславская земля может с гордостью сказать: прославленный мой сын вместе со мной, со всей страной нёс тяготы, делал своё дело и верил, что народу и его силам нет конца.